

УДК 314.8

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-123-129

ЛУБСКИЙ Анатолий Владимирович

Институт социологии и регионоведения Южного
федерального университета
г. Ростов-на-Дону, Россия
n_lav@mail.ru

Anatoliy V. LUBSKY

Institute of Sociology and Regional Studies of South
Federal University
Rostov-on-Don, Russia
n_lav@mail.ru

БЕДРИК Андрей Владимирович

Институт социологии и регионоведения Южного
федерального университета
г. Ростов-на-Дону, Россия
abedrik@bk.ru

Andrei V. BEDRIK

Institute of Sociology and Regional Studies of South
Federal University
Rostov-on-Don, Russia
abedrik@bk.ru

СЕРИКОВ Антон Владимирович

Институт социологии и регионоведения Южного
федерального университета
г. Ростов-на-Дону, Россия
aserikov@inbox.ru

Anton V. SERIKOV

Institute of Sociology and Regional Studies of South
Federal University
Rostov-on-Don, Russia
aserikov@inbox.ru

КАВКАЗСКИЕ МЕНЬШИНСТВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

CAUCASIAN MINORITIES OF KRASNODAR REGION: CLASSIFICATION AND CHARACTERISTICS OF SOCIAL REPRODUCTION

В статье анализируется ретроспектива трансформации этнодемографической структуры населения Краснодарского края с позиции представительства, динамики и особенностей воспроизводства кавказских этносов в постсоветский период. На основе данных переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. описываются общие тренды и проводится сравнение демографического развития кавказских этносов региона. Понятие кавказского этноса используется в его географическом, а не в лингвистическом или культурно-историческом значении. Авторы классифицируют проживающие в регионе кавказские меньшинства на несколько групп: коренные малочисленные народы региона, внутренние диаспоры коренных народов Российской Федерации, диаспоры народов, имеющих свое национальное государство или этническое ядро за пределами России. Проводится сравнение естественного и миграционного воспроизводства кавказских этносов в регионе, анализируется региональная миграционная динамика как фактор изменения численности кавказских диаспор. Одновременно рассматриваются особенности региональной идентичности кавказских общин, причины появления новых форм их этнической идентификации. На примере «черкесского вопроса» рассматривается процесс этнической мобилизации в современных условиях, а на примере турецкой общины анализируется проблема этнической сегрегации в крае, распространения этнофобии, что повлекло массовую реэмиграцию. В конце статьи приводится прогноз развития процессов этнодемографического воспроизводства кавказских меньшинств на территории Краснодарского края.

The article analyzes the retrospective transformation of ethno-demographic structure of the population of Krasnodar region from the perspective of representation, dynamics and characteristics of reproduction of Caucasian ethnic groups in the post-Soviet period. On the basis of census data in 1989, 2002 and 2010 describes the general trends, and compares the demographic development of the Caucasian ethnic groups in the region. The concept of Caucasian ethnicity used in its geographical rather than linguistic or cultural and historical significance. The authors classify living in the Caucasus region, minority, into several groups: indigenous peoples of the region, internal diaspora indigenous peoples of the Russian Federation, the Diaspora peoples who have their own national state or ethnic core outside of Russia. A comparison of the natural reproduction and migration of Caucasian ethnic groups in the region, analyzed the regional dynamics of migration as a factor of change in the population of the Caucasian diaspora. At the same time the features of the regional identity of the Caucasian communities, causes the appearance of new forms of ethnic identification. On the example of "Circassian issue" through the process of ethnic mobilization in modern conditions, and on the example of the Turkish community analyzes the problem of ethnic segregation in the province, spread ethnophobia, which resulted in mass re-emigration. At the end of the article presents forecast of development of processes of ethno-demographic reproduction of Caucasian minorities in the Krasnodar Territory.

Ключевые слова: диаспоры, землячества, кавказские этносы, миграция, этническая идентичность, этнодемографическая структура общества, воспроизводство этносов.

Keywords: ethnic minorities, diasporas, communities, Caucasian ethnic groups, migration, ethnic identity, ethno-demographic structure of society, the reproduction of ethnic groups.

Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

Article is made within the framework of the project RHSF № 16-33-00030 «Antropotok and ethnic diasporas: social practices of interaction, especially collective identities and national security in countries with complex ethnic and cultural structure (Russia and Germany)».

Российское общество является поликультурной системой с большим количеством этнических и конфессиональных компонентов. Несмотря на то, что более 80% населения России - это русские [1], наряду с ними в этнической мозаике выделяются тюркский, кавказский, восточнославянский, финно-угорский и другие сегменты. Всего на территории России проживает более 190 народов. Одновременно Россия в силу своего трансграничного положения, социально-экономических и политических причин является страной миграционного притяжения, что отражается на трансформациях этнодемографической структуры населения ее регионов. Одним из таких регионов является Краснодарский край, который по своему демографическому потенциалу занимает третье место в России [1], а по экономическому потенциалу относится к категории наиболее динамично развивающихся субъектов РФ [2, с. 22]. Выход к внешним границам, статус аграрного и рекреационного центра России, расположение крупного промышленного производства, активное развитие коммерции совокупно делают Краснодарский край регионом притяжения миграционных потоков как внутрироссийского, так и внешнего происхождения. Так, в 2014 г. миграционный прирост населения Краснодарского края составлял 45 800 чел., а в 2015 г. он же - 57 736 человек [3, с. 12]. Структура миграционного прироста населения Краснодарского края следующая: в 2014 г. 32 662 чел. - за счет внутрироссийской миграции и 13 138 чел. - от международной миграции (соответственно 71,3% и 28,7% от общего миграционного прироста) [4; с.50]; в 2015 г. 41 668 чел. - за счет внутрироссийской миграции и 16 068 человек - за счет международной миграции (соответственно 72,2% и 27,8% от общего миграционного прироста) [3, с. 46]. При этом в соседней Ростовской области показатели миграционного прироста населения за аналогичный период были в несколько раз меньше: в 2014 г. - в 9,3 раза, а в 2015 г. - в 36 раз [5, с. 6].

Политизация миграционного фактора в России связана с этнизацией миграционных потоков. Так, по данным общероссийских социологических исследований, именно этнодемографические деформации структуры населения, вызванные миграцией, являются одной из базовых причин, по которой респонденты опасаются притока новых переселенцев [6, с. 382]. Среди этнофобий, традиционно продуцируемых миграцией, наибольшую степень выраженности в России в постсоветский период имеют кавказофобия, синофобия и тюркофобия, объектами которых соответственно выступают народы Кавказа, китайцы и народы Средней Азии [7, с. 52]. В отличие от двух других объектов этнофобии народы Кавказа относятся к категории коренного населения Российской Федерации. Именно поэтому кавказофобия является одной из наиболее рискованных проблем развития межэтнических отношений в российском обществе. Природа данной этнофобии объясняется не только миграционным фактором, но и культурной дистанцией, негативной исторической памятью, стереотипным общественным восприятием Кавказа как региона распространения экстремизма и религиозного фундаментализма.

Понятие «кавказские меньшинства» используется нами в рамках географической классификации народов и потому объединяет культурно-лингвистически неоднородные группы этносов иранского, северокавказского, южнокавказского и тюркского происхождения. Это оправдано тем, что на уровне общественного восприятия подобная дифференциация тоже не проводится. В целом, кавказский компонент населения Краснодарского края объединяет несколько категорий этнических групп. Во-первых, этнические меньшинства, относящиеся к коренному (автохтонному) населению региона. Это прежде всего представители адыгских народов, к которым относятся адыгейцы, черкесы и шапсуги. Во-вторых, этнические меньшинства из числа коренных народов России, не являющиеся автохтонным населением Северного Причерноморья, но имеющие собственные национально-территориальные образования. Это осетины, чеченцы, кабардинцы, народы Дагестана (лезгины, аварцы, табасаранцы, даргинцы), карачаевцы и др. В-третьих, этнические меньшинства - диаспоры народов, имеющих собственное национальное государство или этническое ядро за пределами Российской Федерации. Это армяне, грузины, азербайджанцы, абхазы. Каждая категория кавказских этносов имеет свои особенности воспроизводства состава и идентичности в рамках региональной этнодемографической структуры.

Так, по итогам последней советской переписи населения 1989 г. на территории Краснодарского края проживали 235 458 человек - представителей народов Кавказа, что составляло 5,1% от численности населения региона (всего по краю - 4 620 876 человек) [1]. Из общей совокупности кавказских этносов девять групп превышали численность в 1 000 человек. Крупнейшим этносом являлись армяне (171 757 чел.), которые занимали третью строчку в этнодемографической структуре населения региона (3,7% от общей численности населения). Далее следовали адыгейцы (20 795 чел.), грузины (12 105 чел.), азербайджанцы (10 343 чел.), черкесы (3 562 чел.), лезгины (2 819 чел.), осетины (2 530 чел.), турки и турки-месхетинцы (2 119 чел.), чеченцы (1 623 чел.).

По итогам первой Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Краснодарского края проживали уже 367 741 человек - представителей народов Кавказа [1], что составля-

по 7,2% от численности населения региона (всего по краю - 5 125 221 чел.). Из общей совокупности кавказских этносов 14 групп превышали численность в 1 000 человек. Крупнейшим этносом по-прежнему являлись армяне (274 566 чел.), однако они переместились на вторую позицию в общей этнодемографической структуре населения края (5,4% от общей численности населения), потеснив украинцев. От численности кавказских этносов армяне составляли 74,7%, а постсоветский прирост диаспоры составил 59,9%. Однако наибольшим приростом в постсоветский период в Краснодарском крае среди кавказских этносов были отмечены турки и турки-месхетинцы. Их численность по итогам переписи 2002 г. была 13 612 человек, соответственно увеличилась более чем в 6 раз, а сама этническая группа стала четвертой по численности среди кавказских этносов края. Вторую позицию заняли грузины (20 500 чел.), третью - адыгейцы (15 821 чел.), а пятую - азербайджанцы (13 612 чел.). Среди других кавказских этносов («тысячников») черкесы (4 446 чел.), осетины (4 133 чел.), лезгины (3 752 чел.), чеченцы (2 864 чел.), абхазы (1 988 чел.), аварцы (1 460 чел.), табасаранцы (1 331 чел.). Этнодемографическим «чудом» данной переписи стало появление в регионе двух групп, которые не фиксировались в советский период учета: шапсугов (3 213 чел.) и хемшилов (1 019 чел.).

Всероссийская перепись населения 2010 г. отмечает снижение (хотя и незначительное) совокупной численности кавказских этносов на территории Краснодарского края, которая составила 366 399 человек (7,0% от численности населения региона - 5 226 647 чел.) [1]. Это лишь на 0,4% меньше предыдущего результата, что вполне укладывается в статистическую погрешность при проведении мониторинга. Несмотря на стабильность общей численности кавказского населения края, количество соответствующих этнических групп с числом членов более 1 000 человек вновь увеличилось и составило 17. Всего на территории края проживают представители более 30 кавказских этносов. Второй по численности этнос края и крупнейший кавказский этнос региона - армяне - увеличил свое представительство на 7 114 чел. (2,6%) и составил 281 680 чел. (или 5,4% от общей численности населения края, как и периодом ранее). Вторую и третью позиции этнодемографической структуры населения края по-прежнему удерживают, как и периодом ранее, грузины и адыгейцы. Их численность в 2010 г. составила соответственно 17 826 и 13 874 чел., однако и в одном, и в другом случае отмечается процесс депопуляции на 13,0% и 12,3% соответственно. Четвертую позицию в этот раз вернули себе занимавшие ее в советское время азербайджанцы, потеснив на пятое место турок и турок-месхетинцев. Данная ротация произошла не из-за увеличения численности самих азербайджанцев, которая, наоборот, уменьшилась на 14,9% и составила 10 165 чел., а за счет более значительного сокращения численности турок-месхетинцев. Их численность за последний межпереписной период сократилась более чем на треть (36,2%) и составила 8 685 человек. В остальных случаях этнодемографические изменения были связаны с приростом численности кавказских этносов, который в каждом случае имел различный показатель: черкесы - 5 258 чел. (+18,3%), осетины - 4 537 чел. (+9,8%), лезгины - 4 106 чел. (+9,4%), шапсуги - 3 839 чел. (+19,5%), абхазы - 2 092 чел. (+5,2%), аварцы - 1 848 чел. (+26,6%), табасаранцы - 1 651 чел. (+24,0%), хемшилы - 1 414 чел. (+38,8%). Исключением стали чеченцы, численность которых в крае уменьшилась до 2 313 чел., что составило 19,2% депопуляции. Тысячный рубеж в населении края преодолели еще три кавказские этнические группы: кабардинцы (1 130 чел.), карачаевцы (1 100 чел.) и даргинцы (1 054 чел.).

Автохтонное кавказское население региона характеризуется несколькими особенностями воспроизводства. Первая особенность состоит в возрождении этнической идентичности шапсугов. Переписи советского периода не учитывали шапсугов. Фактически в отношении шапсугов и других адыгских племен (абадзехов, нутхайцев, убыхов, бесленеевцев и др.) проводилась политика искусственной ассимиляции: эти народы учитывались в составе адыгейцев или черкесов. Снятие ограничений в вопросах идентификации в постсоветский период привело к статистическому фиксированию шапсугской общности. Одновременно получает развитие политико-правовой контекст возрождения шапсугской идентичности. Он состоит в требовании шапсугского национального движения восстановить Шапсугский национальный район (существовал в 1924-1945 гг.) [8, с. 32]. Именно шапсуги (один из двух кавказских этносов наряду с абазинами) были включены Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 в единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации [9], на сохранение и поддержку развития национального языка и культуры направлены усилия государства. Это стало дополнительным стимулом роста этничности. Вторая особенность заключается в амбивалентности этнической идентичности кубанских и причерноморских адыгов. Амбивалентность проявляется в ситуативной смене маркеров этнической идентичности: адыг (адыгеец) - черкес - шапсуг, которые на повседневном уровне воспринимаются как взаимозаменяемые, но на уровне этнодемографической статистики приводят к определенным искажениям. Третья особенность связана с геополитическим контекстом возрождения этнической идентичности адыгов. Так называемый «черкесский вопрос» актуализировался на фоне подготовки к Олимпиаде 2014 г. в Сочи, и был

связан с попыткой мифологизации исторической роли России на Кавказе, ее демонизации. Новым поводом для внешней идеологической инъекции именно в этот период стали земельные споры: переселение населения края (как адыгского, так и русского, армянского или эстонского) с территорий, отведенных под строительство олимпийских объектов и инфраструктуры. Споры по поводу собственности подогревались извне и приобрели этническую окраску, подстегнув новый всплеск национального самосознания адыгов [10, с. 72].

Воспроизводство двух других кавказских компонентов этнодемографической структуры населения Краснодарского края - северокавказского (российского) и южнокавказского (диаспорного) - характеризовалось сходными тенденциями. Если на рубеже 1980-1990-х годов и в начале постсоветского периода эти миграционные потоки формировались преимущественно за счет стрессовых мигрантов (землетрясение в Армении, грузино-абхазский и армяно-азербайджанский конфликты, Чеченская война и т.д.), то с конца 1990-х годов превалирует социально-экономическая (трудовая) миграция [11, с. 30]. Но как вначале, так и в последующий период срабатывали три фактора миграционного притяжения, делающие территорию Кубани зоной-реципиентом мигрантов из регионов Северного и Южного Кавказа. Во-первых, приграничность положения региона, что упрощает маятниковую миграцию, а непосредственная близость государства гражданской принадлежности или собственного национального региона создает психологически комфортную зону безопасности. Во-вторых, в регионе циркулирует сетевой механизм воспроизводства миграционного процесса, так как именно здесь исторически сложились структуры этнических диаспор, которые интегрированы в региональные и локальные социумы, занимают относительно высокие статусные позиции, обладают материальным и коммуникативным потенциалом для адаптации мигрантов. Особенно это характеризует армянскую диаспору края. Однако расчет на использование ресурсов диаспоры не всегда оправдан из-за того, что в руководстве самих диаспор находятся люди, в большей степени ассоциирующие себя с местным населением, чем с миграционным сегментом. Так, армянская диаспора Краснодарского края дифференцирована по региональному критерию и включает следующие компоненты: исторический (крымский), сухумский (абхазский), бакинский, карабахский, среднеазиатский, ереванский (переселенцы из Республики Армения) [12, с. 16-17]. Фрагментарность диаспоры лишает новые антропоток необходимого адаптационного ресурса, но не влияет на общественное восприятие армян в целом. Принимающее население не разделяет армян на отдельные сегменты, а демонстрирует озабоченность массовым миграционным притоком, который сохраняет позитивные показатели и в настоящее время. Так, в 2014 г. за счет граждан Армении прирост населения Краснодарского края составил 2 621 чел., а в 2015 г. этот показатель был 2 167 чел. [3, с. 55]. В этническом отношении в миграционном приросте населения Краснодарского края за счет переселенцев из Армении превалируют представители армянского этноса (около 3/4).

Однако следует отметить еще две тенденции воспроизводства кавказских меньшинств Краснодарского края в современный период. Первая тенденция связана с тем, что в отличие от соседних регионов (Ростовской области, Адыгеи), где наблюдается относительная деинтенсификация миграционных потоков (как международных, так и внутрироссийских), для Краснодарского края характерно наращивание миграционного присутствия, прежде всего за счет миграции их стран Южного Кавказа. Например, прирост из Армении, Грузии, Абхазии, Южной Осетии и Азербайджана в 2015 г. составил 6 701 чел., хотя еще в 2013 г. (канун Олимпиады в Сочи) прирост из этих регионов составлял только 2 540 чел. [3, с. 55]. Наряду с постепенным увеличением миграционных потоков из Южного Кавказа значительно сократился приток населения из республик Северного Кавказа (в 2014 г. он уменьшился в два раза). Наблюдается отток чеченцев, что связано с их возвратной миграцией в Чеченскую Республику (в том числе сезонного характера). Однако наблюдается миграционный прирост из Республики Дагестан, что в целом характерно для региона Юга России: основными донорами миграции из Северо-Кавказского федерального округа выступают Республика Ингушетия и Республика Дагестан [13, с. 9]. Трудовая иммиграция в Краснодарский край в период подготовки к Олимпиаде-2014 и после нее также формировалась преимущественно за счет среднеазиатского тренда: с 2012 по 2015 г. объем миграционного прироста населения Краснодарского края из республик Средней Азии увеличился более чем в 2,5 раза и составил в 2015 г. 4 832 человека [14, с. 48], [3, с. 51].

Особняком в этнодемографическом портрете региона стоят турки (турки-месхетинцы). Следует отметить, что сами представители этого народа идентифицируют себя как «турки». Этноним «турки-месхетинцы» произошел от области их исторического расселения - Месхетии (историко-культурный край в Грузии), где сложилась их диаспора. Таким образом, приставка «месхетинец» является экзоэтнонимом, который используется для дифференциации этой субэтнической общности от «классических» турок (или турок-османов), проживающих непосредственно в самой Турции. В настоящее время некоторые представители этого субэтноса приня-

ли данную идентификационную категорию, но подавляющее большинство народа по-прежнему определяет себя как «турки». Несмотря на фактическое отсутствие связи с исторической родиной, которой скорее выступает Грузия, чем Турция, турко-мехетинская община видит себя частью общемировой турецкой общины [15, с. 67].

В Краснодарском крае присутствие диаспоры турок-мехетинцев было одним из главных конфликтогенных факторов системы межнациональных отношений в постсоветский период [16, с. 17]. Формирование диаспоры в регионе имело стрессовый характер: турки переселялись из Средней Азии (мест своей депортации с территории Кавказа 1940-х гг.), прежде всего Ферганской долины Узбекистана, по причинам этнических притеснений или факторам, близким к ним, в 1989 г. и в начале 1990-х годов. В результате межнационального конфликта в Ферганской области Узбекистана в 1989 г. многие турки-мехетинцы были вынуждены покинуть места своего проживания. По примерным оценкам, более 90 тыс. турок выехали из Узбекистана в это время, поскольку существовала реальная угроза их жизни. Миграция турок в Краснодарский край была организованной, так как сами власти изначально видели в произошедших событиях агрессию против турок и рассматривали турок в качестве объекта этнического насилия. Так, с самого начала большие усилия были затрачены на вывоз мехетинских турок в безопасное место. Основной массив мигрантов приняли на себя регионы Центральной России и Северного Кавказа. По экспертным оценкам численность турок-мехетинцев в середине 1990-х гг. в Краснодарском крае превышала 7 тыс. человек [11, с. 89]. Затем их присутствие значительно расширилось за счет рецидивной миграции из Центральной России, республик Северного Кавказа (прежде всего Чечни) и сетевой миграции из Средней Азии. Однако, если в Ростовской области, где также под влиянием миграции сложилась крупная диаспора турок, занявшая четвертое место в этнодемографическом портрете региона, численность мехетинских турок продолжает расти от переписи к переписи, в Краснодарском крае наблюдается обратный процесс. Причиной сокращения более чем на треть численности турок в последний межпереписной период являются две волны их репатриации. Политика краевых властей по противодействию иммиграции в регион турок и неприязненное восприятие диаспоры в местном сообществе обусловили рискованный характер межэтнических взаимодействий. По этой причине с февраля 2004 г. Международная организация по миграции при содействии правительств России и США начала программу по переселению турок-мехетинцев из Краснодарского края в США. По ее итогам более 5 тыс. турок переехали на постоянное место жительства в США [17, с. 227]. В дальнейшем их отток увеличился, хоть и незначительно, за счет репатриации в Грузию в соответствии с законом от 22 июня 2007 года «О репатриации лиц, насильно переселенных властями СССР из Грузии в 40-х годах XX века». На сегодняшний день эмиграционный потенциал турок в Краснодарском крае исчерпан, диаспора реализует стационарную стратегию интеграции.

Таким образом, воспроизводство кавказских меньшинств Краснодарского края характеризуется стабилизацией их статуса в этнодемографической структуре населения региона и деинтенсификацией миграционных потоков. Одновременно кавказофобия среди регионального населения остается актуальной проблемой, что говорит о дезинтеграции русского большинства и кавказских меньшинств. Особенно данная проблема характеризует мигрантские меньшинства, сформированные из титульных этносов республик Северного и Южного Кавказа. Этническая сегрегация населения служит фактором межэтнической конфликтогенности и провоцирует риски национальной безопасности в стратегическом приграничном регионе России. Проблемы межэтнической консолидации в современных условиях должны решаться на основе диалога власти и институтов гражданского общества, представляющих интересы как этнических меньшинств (коренных, диаспорных или мигрантских), так и основного населения. Более полное вовлечение национально-культурных объединений кавказских народов в общественный диалог, развитие региональных программ этнокультурного просвещения, использование в данном направлении ресурсов региональных СМИ позволит нейтрализовать напряжение и обеспечит реализацию базовой цели государственной национальной политики России - гармонизацию межнациональных отношений в российском обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // [Электронный ресурс] - URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?су=0> (дата обращения: 15.11.2016).
2. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2014 года) / Под ред. Г.С. Денисовой. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. - 108 с.
3. Численность и миграция населения Краснодарского края в 2015 году: Статистический бюллетень. - Краснодар: Краснодарстат, 2016. - 198 с.
4. Численность и миграция населения Краснодарского края в 2014 году: Статистический бюллетень. - Краснодар: Краснодарстат, 2015. - 196 с.

5. Миграция населения в целом по Ростовской области и в разрезе городских округов и муниципальных районов. Статистический сборник. - Ростов-на-Дону: Ростовстат, 2016. - 52 с.
6. Дробизева Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. - М.: Новый хронограф, 2016. - С. 379-396.
7. Сикевич З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. - 208 с.
8. Музаев Т.М. Этнический сепаратизм в России. - М.: Панорама, 1999. - 228 с.
9. Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 года № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // [Электронный ресурс] - URL: <http://base.garant.ru/181870/> (дата обращения: 15.11.2016).
10. Олимпийские игры и информационные войны («Черкесский вопрос» накануне Зимних Олимпийских игр 2014 в Сочи) / Отв. редактор Э.А. Попов. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростиздат, 2012. - 126 с.
11. Этнические мигранты в принимающем обществе. Ч.1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии / Под ред. В.Н. Петрова. - Краснодар: Просвещение-Юг, 2005. - 205 с.
12. Армяне Юга России: опыт социологического исследования / Отв. ред. Ю.Г. Волков. - Ростов н/Д.-Москва: Социально-гуманитарные знания, 2011. - 174 с.
13. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX - начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. - 438 с.
14. Численность и миграция населения Краснодарского края в 2013 году: Статистический бюллетень. - Краснодар: Краснодарстат, 2014. - 190 с.
15. Бедрик А.В., Стукалова Д.Н., Терещенко А.А. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный аспект // Гуманитарий Юга России. - 2016. - № 4. - С. 61-71.
16. Савва М.В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика, интеграция и восприятие местным сообществом). - Краснодар: КубГУ, 2006. - 252 с.
17. Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция / Под ред. Т. Триера и А. Ханжина. - СПб.: Алетейя, 2007. - 456 с.

REFERENCES

1. Perepisi naseleniya Rossijskoj Imperii, SSSR, 15 novyh nezavisimyh gosudarstv. [Census of the Russian Empire, the Soviet Union, 15 new independent states]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (accessed: 15.11.2016).
2. Mezhehtnicheskie otnosheniya i religioznaya situaciya v subektah Yuzhnogo-federalnogo okruga. [Inter-ethnic relations and religious situation in the regions of the Southern Federal District]. Ehkspertnyj doklad po sostoyaniyu na pervoe polugodie 2014 goda. Edited G. S. Denisova. Rostov-on-Don: SFU, 2014. 108 p.
3. Chislennost' i migraciya naseleniya Krasnodarskogo kraja v 2015 godu. [The number of population and migration of the Krasnodar region in 2015]. Statisticheskij byulleten'. Krasnodar: Krasnodarstat, 2016. 198 p.
4. Chislennost' i migraciya naseleniya Krasnodarskogo kraja v 2014 godu [The number of population and migration of the Krasnodar region in 2014]: Statisticheskij byulleten'. Krasnodar: Krasnodarstat, 2015. 196 p.
5. Migraciya naseleniya v celom po Rostovskoj oblasti i v razreze gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov. [Migration of the population as a whole in the Rostov region and in the context of urban and municipal districts]. Statisticheskij sbornik. Rostov-on-Don: Rostovstat, 2016. 52 p.
6. Drobizheva L.M. Variacii adaptacionnogo potenciala naseleniya k rastushchemu ehnticheskomu mnogoobraziyu. [Variations of the adaptation potential of the population to the growing ethnic diversity]. Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik. Issue 14. Edited M.K. Gorshkov; Institute of sociology RAS. Moscow: Novyj hronograf, 2016. Pp.379-396.
7. Sikevich Z.V. Ehtnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossijskom obshchestve. [Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society]. St. Petersburg: SPbSU, 2012. 208 p.
8. Muzaev T.M. Ehtnicheskij separatizm v Rossii. [Ethnic separatism in Russia]. Moscow: ООО «Панорама», 1999. 228 p.
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 marta 2000 goda №255 «O Edinom perechne korennykh malochislennykh narodov Rossijskoj Federacii». [RF Government Resolution of March 24, 2000 №255 «About the Unified list of indigenous numerically small ethnic groups of Russian Federation»]. Available at: <http://base.garant.ru/181870/> (accessed: 15.11.2016).
10. Olimpijskie igry i informacionnye vojny («Cherkesskij vopros» nakanune Zimnih Olimpijskih igr 2014 v Sochi). [Olympic games and information warfare ("Circassian issue" on the eve of the 2014 Winter Olympics in Sochi)]. Edited E.A. Popov. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2012. 126 p.
11. Ehtnicheskie migranty v primayushchem obshchestve. P.1. Metodologiya i teoriya issledovaniya tolerantnosti i migrantofobii. [Ethnic migrants in the host society. Part 1. Methodology and theory study of tolerance and migration phobia]. Edited V.N. Petrova. Krasnodar: «Prosveshchenie-Yug», 2005. 205 p.
12. Armyane Yuga Rossii: opyt sociologicheskogo issledovaniya. [The Armenians of the South of Russia: experience of sociological research]. Edited Y.G. Volkov. Rostov-on-Don – Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2011. 174 p.
13. Karpov Y.Y., Kapustina E.L. Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ih social'nye i ehtnokul'turnye posledstviya i perspektivy. [Highlanders after the mountains. Migration processes in Dagestan in the XX - beginning of the XXI centuries: their social and ethno-cultural consequences and prospects]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2011. 438 p.
14. Chislennost' i migraciya naseleniya Krasnodarskogo kraja v 2013 godu. [The number of population and migration of the Krasnodar region in 2013]. Statisticheskij byulleten'. Krasnodar: Krasnodarstat, 2014. 190 p.
15. Bedrik A.V., Stukalova D.N., Tereshchenko A.A. Social'no-pravovoj status diaspory v sovremennom rossijskom obshchestve: regional'nyj aspect. [The social and legal status of diaspora in a modern Russian society: regional aspect]. Gumanitarij Yuga Rossii. 2016. №4. Pp.61-71.
16. Savva M.V. Novye diaspory Krasnodarskogo kraja (prava, interesy, dinamika, integraciya i vospriyatie mestnym soobshchestvom). [New diasporas of Krasnodar Region (the rights, interests, dynamics, integration and the perception of the local community)]. Krasnodar: KubSU, 2006. 252 p.
17. Turki-meskhetyncy: Integraciya. Repatriaciya. Ehmigraciya. [Meskhetian Turks: Integration. Repatriation. Emigration]. Edited. T. Trier, A. Hanzhina. St. Petersburg: Aleteya, 2007. 456 p.

Информация об авторе

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
n_lav@mail.ru

Бедрик Андрей Владимирович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
abedrik@bk.ru

Серигов Антон Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, и.о. директора Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия
aserikov@inbox.ru

Получена: 09.10.2016

Для цитирования статьи: Лубский А.В., Бедрик А.В., Серигов А.В., Кавказские меньшинства Краснодарского края: классификация и особенности социального воспроизводства. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 2. с. 123-129. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-123-129.

Information about the author

Anatoliy V. Lubsky, Professor, Doctor of Philosophy, Institute of Sociology and Redional Studies of South Federal University,

Rostov-on-Don, Russia
n_lav@mail.ru

Andrei V. Bedrik, Leading Researcher, Candidate of Sociological Science, Associate Professor, Institute of Sociology and Redional Studies of South Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
abedrik@bk.ru

Anton V. Serikov, Candidate of Sociological Science, Associate Professor, Institute of Sociology and Redional Studies of South Federal University, acting Director,
Rostov-on-Don, Russia
aserikov@inbox.ru

Received: 09.10.2016

For article citation: Lubsky A.V., Bedrik A.V., Serikov A.V., Kavkazskie men'shinstva Krasnodarskogo kraja: klassifikacija i osobennosti social'nogo vosproizvodstva [Caucasian minorities of Krasnodar region: classification and characteristics of social reproduction]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 5. Part. 2. Pp. 123-129.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-123-129.
(in Russian)